

К. А. Щедрина

САВВИНО-СТОРОЖЕВСКИЙ «ИЕРУСАЛИМ»

Христианские государи благоволили монастырям. Ктиторовство (греч. *κτίτωρ* — собственник, господин)¹ заключалось не только в денежных пожертвованиях, но и в первенствующей роли ктитора как заказчика постройки и ее идейного вдохновителя. Монастырь как образ идеального мира, Царства Божия воплощал черты Небесного Святого Города, поэтому одной из составляющих «царской добродетели» являлось строительство монастырей. Сооружение своего «Иерусалима» согласно «священному образцу» уподобляло монарха как древним благочестивым строителям ветхого Иерусалима — иудейским царям Давиду и Соломону, так и новозаветному строителю «нового Иерусалима» — императору Константину Великому.

Исследователи «иерусалимской тематики» в русском искусстве не могут обойти вниманием такой яркий монастырский комплекс середины XVII в., как подмосковный «Новый Иерусалим», построенный патриархом Никоном с одобрения и частично на пожертвования царя Алексея Михайловича². В тени этого величественного архитектурно-топографического ансамбля, иконографического подобия Святой Земли, остается не менее значимый для середины XVII в. памятник, свидетельствующий об еще одной интерпретации «иерусалимского образца». В двадцати километрах от Нового Иерусалима под Звенигородом расположена древняя обитель Рождества Пресвятой Богородицы, основанная на рубеже XIV–XV веков преподобным Саввой Сторожевским³. В начале 50-х годов XVII столетия монастырь переживает второй расцвет

¹ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М. 1997. Т. 1 Ч. 2, с. 698.

² Подробнее о комплексе «Новый Иерусалим» см.: Зеленская Г. М. Святыни Нового Иерусалима. М. 2002, с. 15.

³ О первом строительном периоде Саввино-Сторожевского монастыря (рубеж XIV–XV веков) см.: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М. 1962. Т. 2, с. 299–307.

благодаря особому покровительству и попечению царя Алексея Михайловича⁴.

В 1650–1654 гг. в Саввино-Сторожевском монастыре были произведены грандиозные строительные работы, изменившие облик обители и, по-видимому, отразившие идеи, овладевшие царем в результате осмысления культа преподобного Саввы Сторожевского после чудесного явления святого Алексею Михайловичу во время охоты в окрестностях Звенигорода в 1651 г. Строительство в Саввином монастыре не прекращалось на протяжении царствования Алексея Михайловича и было продолжено при царевне Софье, что свидетельствовало о претензиях дочери царя от первого брака с Марией Ильиничной Милославской на правопреемство власти. За небольшой промежуток времени были построены каменная ограда обители с семью башнями, уникальными Святыми, или Царскими, воротами и надвратной церковью Преп. Сергия Радонежского, дворцы царя и царицы, ризница и трапезная палата с церковью Св. князя Владимира, а также ряд несохранившихся сооружений⁵.

Пожертвования царской семьи на строительство «Саввина дома» были так велики, что еще в 1651 г. царя обвиняли в том, что «в Звенигороде де государь монастырь строит, а иные разоряет»⁶.

По свидетельству Павла Алеппского, архидиакона Антиохийского патриарха Макария, побывавшего в Саввино-Сторожевском монастыре в 1656 г., царь принимал активное участие в жизни монастырской братии. Как сообщает Павел Алеппский, во время трапезы в день памяти преп. Саввы, «он сам до конца трапезы прислуживал всем монахам до последнего... На полу перед царем был поставлен стол для нищих, слепых, калек и иных, и он прислуживал им все время пищей и питьем до последнего»⁷. Во время богослужения царь исполнял обязанности уставщика и еkkлесиарха. «От начала и до конца службы он учил монахов обрядам, ...если они ошибались, он поправлял их с бранью, не желая, чтобы они ошибались в присутствии нашего владыки патриарха. Словом, он был как бы типикарием, обходя и уча монахов. Он зажигал и

⁴ Кондрашина В. А. Начало обновления Саввино-Сторожевского монастыря при царе Алексее Михайловиче в середине XVII века // Звенигород за шесть столетий / Сб. ст. под ред. В. А. Кондрашиной, Л. А. Тимошиной. М. 1998, с. 99–118.

⁵ Косточкин В. В. Саввин-Сторожевский монастырь в XVII–XVIII веках (по запискам современников и неопубликованным архивным чертежам) // Сообщения института истории искусств АН СССР, №12, 1958; Вздорнов Г. И. К архитектурной истории Саввина-Сторожевского монастыря // Памятники культуры (исследования и реставрация), Вып. 3. М. 1961, с. 110–122.

⁶ Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М. 2003, с. 464.

⁷ Павел Алеппский (архидиакон). Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. М. 2005, с. 493.

тушил свечи и снимал с них нагар»⁸. Иными словами, ктиторовство царя, или его «царская ставропигия»⁹, подразумевали активное формирование устава и уклада жизни монастыря, не входящее в каноническое противоречие с правами и функциями священноначалия¹⁰.

Согласно распространенному мнению, особое почитание преподобного началось после чудесного спасения царя св. Саввой во время охоты в декабре 1651 г. Однако строительство в монастыре началось в 1650 г., за год до видения, а поновление росписи Рождественского собора и богатые вклады еще раньше, в 1649 г., и это говорит о том, что заступничество преподобного Саввы во время царской охоты являлось не причиной, а следствием его почитания Алексеем Михайловичем.

Об особом, «царском» заказе Сторожевского монастыря свидетельствует и его первоначальная история. Преподобный Савва, один из первых учеников святого Сергия Радонежского, был приглашен звенигородским князем Юрием Дмитриевичем, сыном Дмитрия Донского, для строительства неподалеку от Звенигорода монашеской обители. Преподобный сооружает на горе Стороже деревянный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, куда начинают собираться инок. По всей видимости, место и посвящение монастырского храма было согласовано преп. Саввой с князем Юрием и должно рассматриваться в контексте создания единого архитектурно-сакрального комплекса княжеской резиденции.

В 1398–1399 гг. в Звенигороде на княжеском дворе сооружается знаменитый храм Успения на Городке, а через несколько лет в 1407 г. каменный собор Рождества Богородицы Сторожевского монастыря¹¹. Выбирая посвящения для своих храмов, князь Юрий, по-видимому, следовал некой традиции, сложившейся во Владимиро-Суздальской

⁸ Павел Алеппский (архидиакон). Путешествие Антиохийского патриарха Макария, с. 496.

⁹ Щедрина К. А. Храмы-реликварии европейских и русских монархов (кремлевский «Новый Иерусалим» царя Феодора Алексеевича) // Искусство христианского мира. Сб. статей. Вып. 7. М. 2003, с. 305–312.

¹⁰ Свидетельством этому является высказывание Алексея Михайловича, приведенное у Павла Алеппского, относительно возможности разрешения от канонического запрещения заточенного в Саввином монастыре диакона митрополита Миры: «Боюсь, что патриарх Никон отдаст мне свой посох и скажет: возьми его и паси монахов и священников; я не прекословлю твоей власти над вельможами и народом, зачем ты ставишь мне препятствия по отношению к монахам и священникам?» (Павел Алеппский, с. 498).

¹¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М. 1962. Т. 2, с. 290–307.

Руси, согласно которой «официальный» храм княжеского «стола» посвящался Успению, а «домашняя» церковь загородной резиденции или монастыря — Рождеству Богоматери. Образцами князю Юрию служили Успенский собор во Владимире и Рождественский монастырь в Боголюбове, московский Успенский собор и домовая теремная церковь Рождества Богородицы, построенная его матерью, княгиней Евдокией, а также некоторые другие памятники владими́ро-суздальского круга¹².

Очевидно, что княжеская резиденция-«Городок», состоявшая из жилых и хозяйственных построек и дворцового собора, окруженных крепостным валом, и расположенный неподалеку «загородный» монастырь княжеского духовника на Сторожевых горах составляли архитектурно-ландшафтный комплекс, задуманный и построенный великим князем Юрием согласно «священному образцу». Учитывая, что правление Юрия Дмитриевича было временем наивысшего расцвета Звенигородского княжества¹³, можно предположить, что в основе предпринятой князем Юрием «сакрализации» Звенигородя как потенциальной столицы лежит идея двухчастного сакрального пространства: «святого города Иерусалима» и «жертвы, принесенной вне врат» (Евр. 13: 11–14).

Традиционно жилище правителя, дом в общем значении, включает две составляющие: городской дворец и загородную усадьбу. Разделение княжеской резиденции на «городскую» и «загородную» коррелирует с исторически сложившимся в традиционных культурах принципом деления дома на две половины — «мужскую» и «женскую». Говоря точнее, при разделении жилища на «мужскую» и «женскую» половины действуют не только гендерные, но и социальные принципы. Это, скорее, «официальная» и «частная» половины, которые в древнерусском княжеском обиходе определялись как «двор» и «терем». Те же понятия можно проследить, используя термины, принятые при описании жилища арабоязычного Востока — «селямлик» и «гаремлик». «Селямлик» (от араб. «salam» — «мир, приветствие») — так называемая «мужская» половина, доступная для посещений общественная часть дома, соответствующая приемным комнатам. Во дворце в нее входили тронные залы, залы для совещаний, трапезные. «Гаремлик», или «гарем» — «жен-

¹² Вопрос о соотношении и причинах храмовых посвящений Успению и Рождеству Богородицы на Руси XII–XV вв. требует особого исследования. В качестве позднего примера (XV в.) парного монастырского посвящения, свидетельствующего об актуальности богородичной темы в сакральной топографии, можно назвать расположенные рядом монастыри Кирилла и Ферапонта Белозерских, соответственно Успения (большой) и Рождества Богородицы (маленький).

¹³ Еще одной «знаковой» постройкой князя Юрия был Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры, архитектурные формы которого очень близки Рождественскому собору Сторожевского монастыря.

ская» половина (от араб. «ḥaram» — «то, что запрещено законом», т. е. «скрытое помещение, убежище»)¹⁴. В помещения «гарема» или, в русском варианте, «терема» включались комнаты, относящиеся к частной жизни правителя: спальни, бани, комнаты царицы, детей, неофициальные кабинеты и молельни.

Сакральная структура царского дома, дворца, состоящая из «гарема» и «селяма», соотносится с «Иерусалимом» как архетипом или «священным образом» мироздания, отражающим гендерную, или полоролевою полярность творения. Семантически и этимологически слово «Иерусалим» образовано из двух корней — «Иеру» = «гарем» — запрещенное, проклятое, внутреннее и «салим» — внешнее, благословенное. Соединение двух корневых составляющих переводится как «жилище мира»¹⁵, то есть полнота бытия.

Двухчастная структура жилища как сакрального пространства типологически соотносится с библейским разделением ветхозаветного храма на святилище и «святое святых». «Двор», или «селямлик», в котором проходили официальные церемонии и ритуалы царского культа, соответствует святилищу, где совершались жертвоприношения и общественные богослужения, а «терем», или «гаремлик», в свою очередь, приобретает черты «святого святых», закрытого для непосвященных хранилища святыни, в качестве которой выступает частная жизнь и семья монарха. Вспомним, что в православной традиции ветхозаветное «святое святых» — это место пребывания Пресвятой Девы.

Освящение соборного храма Саввина монастыря в честь Рождества Пресвятой Богородицы по-видимому, связано с традицией богородичного посвящения великокняжеских храмов и прямо вытекает из его «домового», частного характера как загородного (монастырь находится в полутора километрах от княжеского городища) по отношению к звенигородскому столу.

В середине XVII столетия посвящение древней великокняжеской обители Рождеству Богородицы было, видимо, не менее актуальным. В документах середины XVII века Саввино-Сторожевский монастырь называется «государев комнатный монастырь», или «собственное государево богомолье»¹⁶.

О том, какое символическое значение придавали царственные ктитории празднику Рождества Пресвятой Богородицы, можно судить по изображениям праздника на двух вышитых палицах середины XVII ве-

¹⁴ Пензер Н. Гарем. История, традиции, тайны. М. 2005, с. 13.

¹⁵ Архим. Никифор. Библейская энциклопедия. Репринт. М. 1990, с. 331.

¹⁶ Кондрашина В. А. Начало обновления Саввино-Сторожевского монастыря при царе Алексее Михайловиче, с. 102.

ка, пожертвованных в Саввин монастырь царем Алексеем Михайловичем¹⁷. В отличие от традиционной композиции, где центральное место занимает ложе праведной Анны, а богоотец Иоаким обычно изображается в небольшой каморке в верхнем правом углу, на палицах из Саввино-Сторожевского монастыря фигуры сидящего в уединенной келье Иоакима и отдыхающей на ложе Анны расположены почти симметрично и обращены друг к другу, их жесты предполагают диалог. Центристское направление подчеркивают фланкирующие композицию изображения двух херувимов, также обращенных ликами друг к другу. Третий херувим расположен на одной из палиц в верхнем углу, над велумом, объединяющим в одно смысловое пространство две башни дома праведных Иоакима и Анны, венчая композицию, на другой — в нижнем углу под ложем праведной Анны у купели новорожденной Марии.

Изображения херувимов, характерные в церковном шитье для украшения литургических покровов, указывают на сакральность действия, совершающееся таинство, а в контексте символики празднования Рождества Богородицы семантически дублируют изображения супружеской пары Иоакима и Анны и могут быть соотнесены с херувимами, украшавшими Ковчег Завета в Святом святых скинии и Иерусалимского храма.

В Ветхом Законе дается следующее предписание: «И сотвориши два херувима злата изваянна, и возложиши я от обоих стран очистилища (крышки Ковчега)... да будут херувими распростирающе крила верху, соосеняюще крилами своими над очистилищем, и лица их ко другъдругу» (Исх. 25: 18, 20). С Ковчегом соотносится изображение новорожденной Марии у купели в нижней части композиции. Сравнение Богоматери с Ковчегом Завета нередко в православной гимнографии и богословии.

В контексте иконографии архитектурного комплекса Саввино-Сторожевского монастыря архетип, или «священный образец», двойного предстояния херувимов Ковчегу Завета¹⁸ повторяется в расположении зданий царского и царицына дворцов.

Палаты царя и царицы фланкируют древний собор Рождества Богородицы, в котором покоятся мощи преп. Саввы Сторожевского. Царский дворец помещается с юго-западной стороны собора напротив главного западного входа, царицыны палаты находятся соответственно

¹⁷ Интересующие нас пропорции композиции повторяются на иконе Рождества Богородицы того же времени из праздничного ряда иконостаса собора Саввина монастыря, где также изображены равновеликие фигуры Иоакима и Анны.

¹⁸ В иудейской традиции мотив двойного предстояния херувимов Ковчегу Завета может истолковываться как союз супружеской пары и место Божественного присутствия. См.: *Патай Р.* Иудейская богиня. М. 2000.

в северо-восточной части соборной площади напротив алтаря. Центро-стремительный характер архитектурного композиционирования царского и царицына дворцов относительно собора подчеркивается при обзоре внутримонастырского пространства с Красного крыльца, уникального архитектурного сооружения, не имеющего аналогов в истории русской архитектуры. Красное крыльцо, являясь продолжением пути от Царских, или Святых, врат монастыря, одновременно служит подклетом надвратной церкви Преп. Сергия Радонежского и выходит к площади перед северной стеной собора. Поскольку монастырь стоит на холме, перед паломником, выходящим через Красное крыльцо как будто из подземелья, соборная площадь внезапно предстает как гора с расположенным на ее вершине храмом и двумя дворцами у ее подножия — царским по правую и царицыным по левую сторону.

Таким образом, архитектурная композиция повторяет сакральный образец двойного предстояния святыне, или архетип Голгофы с предстоящими. В то же время окружение храма двумя дворцами образует «дворцовый комплекс», соответствующий плану архитектурной застройки Св. Града, то есть «Иерусалим», и, в соответствии со словами Священного Писания: «Горы Сионские, ребра северова, Град Царя Великого» (Пс. 47: 3) (Ср. Мф. 5: 35), указывает на сакральный статус их обитателей.

Как представляется, тема двучастного «сакрального образа» продолжается в истории подмосковного «Нового Иерусалима» и связанных с его строительством перипетий личных отношений царя Алексея Михайловича и патриарха Никона.

В 1656 году в двадцати километрах от Звенигорода патриарх Никон начинает строительство Воскресенского монастыря, названного затем «Новым Иерусалимом». Неизвестно, каковы были первоначальные планы святейшего относительно иконографической программы нового монастырского комплекса. Иван Шушерин много лет спустя замечает: «И во оно время (в 1655 г.) Святейший Никон патриарх купи себе в Иверский монастырь село Воскресенское, от царствующего града четьредесять пять поприщ, у некоего Романа Бобарыкина, в строение во Иверский монастырь, и нача многажды шествовати тамо, соглядати села того, и абие прииде ему мысль, еже бы построить во оном месте монастырь, пришествия ради своего, дабы ему приходи в монастырь, а не в село»¹⁹. Возможно, первоначально планы строительства монастыря с церковью во имя Воскресения Христова не содержали идеи копийно-

¹⁹ Цит. по: Иван Шушерин. Известие о рождении и воспитании и житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. // Патриарх Никон — протопоп Аввакум. М. 1997, с. 36.

сти палестинского образца, а именование патриаршей подмосковной обители возникло от посвящения сельской церкви, однако приобретение вотчины в «сфере влияния» Саввино-Сторожевского царского монастыря с последующим строительством на ней патриаршей обители представляется не случайным.

«И тако со благоволением великого Государя начать строити Воскресенский монастырь, лес секуще и церковь строяще и келии. Егда же приспе время быти освящению церкви, тогда Святейший патриарх призва на освящение храма того самого великого государя, и тако Благочестивый государь Царь, быв в Воскресенском монастыре, возлюбил место оно, и отъехав мало, написа писание Святейшему Патриарху Никону своею рукою сице: «яко благоволи Господь место сие исперва предъготовати на создание монастыря; понеже прекрасно, подобно Иерусалиму». Святейший же Патриарх Никон получив писание оно с радостию и полагает его в среброкованном ковчежце под святым престолом и повеле по царскому писанию именоватися Воскресенский монастырь Новый Иерусалим»²⁰.

Согласно Ивану Шушерину, именование «Новый Иерусалим» монастырь получил от царя Алексея Михайловича как благословение новой иконографической программы. По мнению исследователей, свое письмо царь послал скорее всего из Саввино-Сторожевского монастыря²¹, тем самым подтверждая согласие на расширение рамок Российской Палестины, утвержденной по подобию исторической Св. Земли от обители Св. Саввы Нового²² до Нового Иерусалима. Как можно заключить из дальнейшего повествования Ивана Шушерина, вскоре после начала строительства Воскресенского монастыря между царем и патриархом произошла размолвка. «Не по мнозе же времени, позавидев общий супостат великия любви между Благочестивым Царем со Святейшим Никоном Патриархом, нача быти между ними безсоветие и распря через неких злых человек»²³. Можно предположить, что одной из причин разногласия было «безсоветие» именно в вопросе устройства Российской Палестины. Два монастыря — царский Саввин и патриарший Воскресенский Новый Иерусалим приобрели значение двух полюсов,

²⁰ Иван Шушерин. Известие, с. 36.

²¹ Подробнее о вопросе наречения Новоиерусалимской обители см.: Авдеев А. Г. Кто и когда назвал Воскресенский монастырь «Новым Иерусалимом» // Человек и мир человека: сборник материалов всероссийской научной конференции. Рубцовск. 2005. Вып. II. Ч. 1, с. 294–301.

²² Так называет преподобного Савву Сторожевского архидиакон Павел Алеппский, несомненно используя именование «Новый» как указание на параллель с древним палестинским подвижником.

²³ Иван Шушерин. Известие, с. 36–37.

оспаривая первенство в «собинном» мире церковно-государственных идей царя и патриарха²⁴.

Патриарх Никон, задумав сооружение Нового Иерусалима, взял курс на переориентацию духовно-политических векторов русской государственности. Если первоначально царский Саввин монастырь был, пользуясь выражением Павла Алеппского, «невестой» по отношению к царскому же «жениху» Сергиеву монастырю, то можно предположить, что в планы Алексея Михайловича, одобвившего строительство Воскресенской обители как совместной царской и патриаршей ставропигии, входило придание ему статуса «невесты» по отношению к «жениху» Саввину монастырю, согласно же замыслам патриарха Никона «женихом», то есть «главой» должен был стать именно «Новый Иерусалим».

О разногласиях царя и патриарха в вопросе о статусе каждого из двух лиц «симфонии властей» говорит понимание патриархом Никоним соотношения в парной символике солнца и луны. В истолковании патриарха Никона: «Солнце нам показа власть архиерейскую, месяц же власть царскую»²⁵. Согласно же древним представлениям христианского царского культа со времен императора Константина Великого солнце являлось символом власти монарха.

Известный сюжет «Откровения Иоанна Богослова», описывающий «Жену, облеченную в солнце, луна под ногами ея, и на главе ея венец от звезд двюнадесяте» (Откр. 12: 1), в котором святые отцы видят указание на собрание верных последних времен, из-за различной интерпретации образов солнца и луны может иметь двоякое истолкование. Свят. Андрей Кесарийский пишет: «Церковь оделась в солнце правды — Христа. Ибо свет ночного светила, указывающий на мирскую жизнь, изменяющуюся подобно луне, она имеет под своими ногами»²⁶.

Истолкование солнца как власти православного монарха делает возможным понимание архиерейства как луны, которое будет попи-

²⁴ Как интрига, подтверждающая посягательство патриарха Никона на духовные приоритеты Сторожевской обители, может быть расценено сообщение Шушерина о спровоцированной Никитой Зюзиным поездке святейшего в Москву. В якобы полученных от царя указаниях говорилось: «Во еже бы Святейший патриарх на нарекованное число пришельствовал в царствующий град Москву в день недельный ко утрени, у врат же града вопрошающим, да поведает о себе нарицающесе Саввина монастыря власти» (с. 45). Иными словами, Никита Зюзин, от имени царя предлагая патриарху Никону скрыть свой сан от сторожей под именем «властей Саввина монастыря», давал повод предположить, что царь признаёт святейшего Никона главой его «царской ставропигии», «властями Саввина монастыря» и тем самым устраняет причины размолвки, подчиняет свое царское право «править кресты» воле духовного лица. Патриарх Никон, «пришедши к царствующему граду Москве и во вратах града, глаголемых Смоленских, сказашеся, яко Саввинския власти приидоша» (с. 47).

²⁵ Цит. по: Мартынова М. В. Регалии царя Алексея Михайловича. М. 2004, с. 10–11.

²⁶ Андрей Кесарийский (архиен). Толкование на Апокалипсис. Джорданвилль. 1992, с. 105.

раемо в последние времена оскудения церковного благочестия. Напротив, в сравнении с солнцем власти архиерея содержится намек на будущее возвышение патриархов над царями и падение их власти в последние времена перед пришествием антихриста.

Таким образом, в связи с обвинениями в цезарепапизме, прозвучавшими в «деле патриарха Никона» на соборе 1666 г. и кратко выраженными формулой, что «де патриарх строит не Новый, а третий Иерусалим», в конфликте царской и патриаршей власти открывается метафизически (или мистически) гендерная подоплека.

Семиотический анализ библейской иконографии, топонимики и ономастикона и связанных с ними архаичных ритуалов, актуализированных в культовой средневековой реальности, позволяет сделать вывод, что монастырское строительство Святой Руси вдохновлялось идеями воспроизведения Святой Земли и Иерусалима как ее сакрального центра на ином топографическом пространстве.

Семантика Иерусалима как «царского города» в иконографической программе Саввино-Сторожевского монастыря прослеживается при рассмотрении легенды, связанной с событием прославления мощей преп. Саввы. «Царь Алексей Михайлович, в свое декабрьское путешествие в монастырь перед открытием мощей, ходил на охоту в окрестные леса звенигородские. Когда свита его рассеялась по лесу для отыскания логовища медведя, и он остался один, медведь внезапно выбежал из леса и бросился на него. Царь, видя невозможность защищаться, обрек себя на верную смерть. Вдруг около него явился старец, и с его явлением зверь бежал от царя. Вопросенный об имени старец отвечал, что его зовут Саввой, и что он один из иноков монастыря Сторожевского. В это время собрались к царю некоторые из его свиты, а старец пошел к монастырю. Скоро пришел в обитель и сам Алексей Михайлович и спрашивал архимандрита о монахе Савве, думая, что это какой-нибудь еще неизвестный ему подвижник, поселившийся в монастыре. Архимандрит отвечал, что в монастыре нет ни одного монаха с именем Саввы. Тогда царь, взглянув на образ преподобного, уразумел, что это был сам он, велел отслужить молебен и свидетельствовать его гроб»²⁷.

Очевидно, что чудо на охоте произошло во время богомолья в Саввино-Сторожевский монастырь, приуроченного к дню памяти святого (преставление преп. Саввы 3/16 декабря). Торжественное открытие

²⁷ Смирнов С. Историческое описание Саввина Сторожевского монастыря. М. 1860, с. 15.

мощей преп. Саввы произошло через месяц, 19 января 1652 г., в присутствии царя, царицы Марии Ильиничны, патриарха Иосифа и новгородского митрополита Никона, будущего патриарха.

Рассказ о поединке преподобного с медведем можно отнести к ряду традиционных агиографических сюжетов, описывающих борьбу святого с диким зверем, известных как в восточнохристианской, так и в древнерусской литературе. Речь идет о молитвенном поединке пустынника с бесами, принявшими образ чудищ или диких животных. В житии преп. Саввы Освященного духовная брань подвижника оканчивается изгнанием демонов и, как следствие, приручением реальных зверей. В русской агиографии образ мирного сожительства подвижника и дикого животного наиболее известен по житию преп. Сергия Радонежского и продолжал быть актуальным вплоть до XIX столетия, появившись в житии преп. Серафима Саровского. Однако в чуде преп. Саввы Сторожевского появляется дополнительный сюжет царской охоты, который в сочетании с традиционным мотивом монашеской зоомагии нуждается в семиотической расшифровке.

Царская охота, которой зачастую сопровождалась паломнические походы, по-видимому, входила в число ритуалов царского церемониала, наряду с посещением святых мест и участием в богослужениях²⁸. Единый для общемировой как древней, так и средневековой военно-охотничьей практики, смысл царской ритуальной охоты, по мнению, например, Ю. М. Кобищанова, состоит в том, что дикое животное, персонифицировавшее силы зла и хаоса, умерщвлялось или покорялось царем, носителем харизмы власти, тем самым, свидетельствуя о потенции монарха управлять социумом²⁹.

Иными словами, отправляясь в канун памяти преподобного Саввы на охоту неподалеку от монастыря, место для которого было выбрано еще князем Юрием Дмитриевичем Звенигородским с учетом древней сакральной топографии, царь Алексей Михайлович совершал почитание памяти преп. Саввы, повторяя его подвиг духовного покорения сакрального пространства звенигородских земель. Предположим, что в монастырском лесу был проведен ритуальный поединок с медведем, — иначе трудно объяснить отсутствие около молодого царя всех членов свиты в момент встречи со зверем и быстрое их появление после его

²⁸ О царской охоте при Алексее Михайловиче см.: *Кутепов А.* Царская охота на Руси царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича. XVII век. СПб. 1894. Т. 2.

²⁹ О ритуальных функциях охоты во время богомольных походов упоминает *Ю. М. Кобищанов* в рамках исследования института полюдь в средневековье: *Кобищанов Ю. М.* Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М. 1995, с. 259.

исчезновения³⁰. Молитвенное обращение к преп. Савве решило исход поединка, обстоятельства которого говорят о его культовом характере.

Как свидетельствует исследование Н. Н. Воронина, почитание медведя существовало среди славянского населения и после христианизации среднерусских земель и имело непосредственную связь с культом языческого божества Велеса и — шире — производящих сил природы³¹. Ритуальная борьба с медведем была одной из составляющих «медвежьего культа», причем, известно, что для этой цели нередко использовались выращенные в неволе специально обученные животные. Отголоском этого культа был сохранившийся до конца XIX в. институт медвежьих поводырей и прирученных медведей, а также описанный в литературе обычай травли медведей³².

В зверинцах, существовавших в древности на княжеских дворах, выращивались и содержались животные, в том числе и медведи, предназначенные для проведения «потех» или игровых поединков, имевших заместительное значение³³. Свидетельством того, что царская зоомахия носила сакральный характер, служат факты основания на месте княжеских зверинцев храмов или монастырей, что отразилось и в их названии, например, Зверинский монастырь в Новгороде или Зверинецкие пещеры в Киеве.

Можно предположить, что и жилище преп. Саввы было поставлено на месте, принадлежавшем некогда княжескому зверинцу или каким-то иным образом связанном с культом дикого зверя. В пользу такого предположения может говорить тот факт, что игумен Савва был учеником преподобного Сергия Радонежского, в житии которого описан случай приручения дикого медведя, приходившего получать хлеб из рук святого, что можно интерпретировать как указание на идолоборческий подвиг Радонежского игумена, в тонкости которого был посвящен и преп. Савва Сторожевский, бывший какое-то время даже настоятелем Троице-Сергиевой Лавры. Преподобному Сергию была посвящена построенная царем Алексеем Михайловичем надвратная церковь Сторо-

³⁰ Традиционно охота на медведя с рогатиной является поединком в окружении нескольких десятков человек, обеспечивающих успешность облавы. См.: *Ширинский-Шихматов А. А.* По медвежьим следам // Охота на медведей. Справочник. М. 1997, с. 109–113.

³¹ *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. Л. 1941. № 6, с. 149–186.

³² О городских зрелищах с участием прирученных и диких медведей см.: *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII–начало XX века. Л. 1988, с. 39–60.

³³ О медвежьих потехах русских царей см.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. 1. Ч. II. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М. 2000, с. 306–317.

жевского монастыря, через подклет которой проходила царская дорога к Рождественскому собору с мощами преп. Саввы. На фасаде царской Святой башни помещено изображение Богоматери на троне, в молении которой предстоят преподобные Сергей и Савва.

Название горы, на которой стоит монастырь Преп. Саввы, — Сто-рожи — происходит, как говорят исследователи, от находившихся на ней сторожевых застав, охранявших пролегающую у подножия горы важнейшую в стратегическом отношении Смоленскую дорогу, главный путь в западные земли. Очевидно, что наличие на горе сторожевой за-ставы в момент основания обители Преп. Саввы в XIV в. не исключало и нахождения там или на территории исследованного археологами древнего поселения XII в. у западного склона горы Сторожь на месте современной Саввинской Слободы зверинца или каких-либо объектов военно-охотничьего культа.

В XVII в. при царе Алексее Михайловиче в Сторожевском мона-стыре вновь актуализируются традиции воинского культа, освященные именем св. Саввы как помощника в ратных делах. В житии преподоб-ного упоминается о закончившемся победой по его благословию по-ходе князя Юрия Дмитриевича против болгар: «После возвращения с победой... князь поклонился преподобному, говоря: „В тебе честный отче нашел я великого молитвенника и могучего помощника в сраже-ниях, ибо знаю, что твоими молитвами победил врагов моих“»³⁴; ис-точники XVII в. сообщают о нескольких видениях преп. Саввы царю Алексею Михайловичу во время его военных походов с предсказания-ми победы над врагами³⁵.

Как известно, Саввинская Слобода, поставленная на месте древне-го поселения Усть-Розвадня, была белым, то есть неподвластным мона-стырю, поселением стрельцов, а стрелецкий гарнизон находился непо-средственно на территории обители, в специально построенных для него помещениях. Очевидно, что размещение царем стрельцов в стенах монастыря нельзя рассматривать в пределах нецерковного сознания как акт секуляризации монастырских строений, выходящий за рамки «мос-ковского благочестия». Вероятно, стрельцы жили там и ранее переуст-ройства обители Алексеем Михайловичем, однако теперь их присутст-вие в Саввином монастыре получило роль одной из составляющих «царской ставропигии» или особого замысла о возвеличенной монар-хом обители. Нередко стрельцы «Саввина дома» в силу своей избран-ности, «крестового» или «ставропигийного» служения выполняли

³⁴ Житие преп. Саввы Сторожевского // Жизнеописания достопамятных людей земли Русской X–XX век. М. 1992, с. 96.

³⁵ Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М. 2003, с. 178.

представительскую функцию, роль особой царской гвардии в сфере церковно-государственных отношений, например, участвовали в крестных ходах, эскортировали чтимые святыни, а также выполняли более деликатные задачи, такие как сопровождение духовенства (например, патриарха Никона после размолвки с царем во время посещений трех строящихся им ставропигиальных монастырей) и др.

Можно предположить, что царь, поощряя саввинское духовно-военное общежитие, руководствовался представлениями о сакральном характере стрелецких формирований и необходимости присутствия регулярных (то есть обученных или «посвященных») войск в культовом военном центре, перепосвященном преподобным Саввой.

Видимо, окрестности Звенигорода были выбраны для царской медвежьей охоты как одно из мест, имевших древние воинские или военно-охотничьи традиции³⁶, ритуальное усвоение которых молодым царем Алексеем Михайловичем в конце 1640-х — начале 1650-х гг. (годы расцвета строительной деятельности в Саввино-Сторожевском монастыре) имело, по всей вероятности, сакрально-государственный смысл.

В Священном Писании медведица — один из символов власти. В видении пророка Даниила «зверь подобный медведице» (Дан. 7: 5) — одно из четырех животных, символизировавших четыре мировые монархии. Представляется возможным связывать ритуальные охотничьи поединки и «охотничьи потехи», в большом количестве проводившиеся в конце 40-х гг. XVII столетия, в качестве одного из подготовительных этапов к «священной войне» 50-х гг. с Польшей и Швецией³⁷, направленной на освобождение «прародительских земель».

Ритуальная охота на медведя как необходимый атрибут «царского делания» носила актуальный характер с глубокой древности до времени последнего Российского царствования и имеет «священным образом» приведенные в 1-й книге Царств слова будущего царя Давида, произнесенные перед битвой с Голиафом. «И рече Давид к Саулу: егда паше раб твой отца своего стадо, и егда прихождаше лев или медведица и восхищаше от стада овцу едину... и льва и медведицу бияше раб твой... Господь, иже изъят мя от руки львовы и от руки медведицы,

³⁶ Предположительно о традициях царской медвежьей охоты может говорить и название одного из царских сел в окрестностях Звенигорода — Ершово, от «ерш» в одном из значений — участник облавы, вспугивающий медведя из берлоги. Как свидетельствует И. Е. Забелин, многие должности в охотничьих потехах были наследственными и передавались из поколения в поколения, от чего могло произойти и название села.

³⁷ Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в сер. XVII века. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М. 1981; Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М. 1998.

Той измет мя от руки иноплеменника сего необрезанного» (1 Цар. 17: 34–37). Результат поединка пастыря Давида со львом и медведицей указывал на Божие благословение и для других его начинаний.

В православной аскетике образ льва и медведицы используется при описании борьбы подвижника со страстями. «Авва Пимен сказал: „Давид сказал, что он льва поражал, а медведя удавлял. Это значит: гнев должно отгонять и истреблять, а плотское вождение удавлять воздержанием“»³⁸.

Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова поясняет роль ритуальных поединков Давида: «Якоже тук отлучен от жертвы мирная, тако Давид от сынов Израилевых. Со львы играше яко с козлищи и с медведми яко со агнцы овчими» (Сирах. 47: 2–3). Борьба со львом и медведицей называется здесь «игрой», то есть ритуальным действием, а сами дикие звери, участвующие в ритуале, приравниваются к домашним жертвенным животным — козлу и агнцу, таким образом, что охота на них соотносится с жертвоприношением, причем сравнение царя Давида с туком, отделяемым и сжигаемым вместе со всесожжением во время мирной жертвы (в то время как остальные части разделялись между священником и принесшим жертву)³⁹, указывает на возможность ритуального поединка только для правителя — отделенного от остального народа⁴⁰.

В то же время, сравнение льва с козлищем, а медведя с агнцем, по видимому, соотносимо с описанием Нового Иерусалима, Царства Божия, рая у пророка Исая: «И вол и медведь вкупе пастися будут, и вкупе дети их будут, и лев аки вол ясти будет плевые» (Ис. 11: 7). Давид (Сирах. 47: 3) или Потомок Давида, Жезл из корене Иессеова (Ис. 11: 1) умирляет диких животных, лишает их разрушающей силы и приводит в первозданное райское состояние, в котором отсутствовало разделение животного мира на хищника и жертву. Монарх, как «новый Давид», выступает в роли райского Адама или послеапокалиптического Царя Нового Иерусалима, по слову которого прекращается вражда на земле. Княжеский или царский зверинец, расположенный на территории загородной резиденции, являет собой микромодель мира, но не в естественном, а сверхъестественном, первозданном райском облике, и именно эту преображающую его функцию отражало повторяющееся в разные века и у разных народов именование загородной усадьбы монарха «Раем». Так назывался загородный дворец византийского императора. «Рай» был построен великим князем Юрием Долгоруким неда-

³⁸ *Авва Пимен*. 39 / Отечник, составленный епископом Игнатием (Брянчаниновым). СПб. 1891. Репринт, с. 306.

³⁹ *Архим. Никифор*. Библийская энциклопедия, с. 260.

⁴⁰ См., напр.: *Жирав Р.* Насилие и священное. М. 2002.

леко от Вышгорода под Киевом, строительство «Рая» («Геннет») было предпринято и эфиопским императором Менеликом II в XIX веке недалеко от Адис-Абебы⁴¹, «Парадизом» в духе времени называл Петр I Великий построенный им Петергоф, и т. д.

Житие преп. Саввы Сторожевского содержит описательную характеристику горы Сторожи как «земного рая», что позволяет говорить о неслучайности выбора местоположения княжеского монастыря и включения соответствующего эпизода в контекст жития. Упоминание о рае находим в надписи, помещенной в одном из медальонов серебряной раки к мощам преп. Саввы, задуманной царем Алексеем Михайловичем и созданной его сыном Феодором Алексеевичем в 1680 г. «Христоролюбивый князь (Георгий) наипаче начат молити преподобнаго старца, еже никогда же отлучену быти ему от него, но да пребудет у него, и да созиждет монастырь во отечестве его близ Звенигорода, идеже есть место Сторожи. [Преподобный] трудолюбезне изыде в реченное место и, *якоже небесный рай, благовонными цветами насажденный*, сие обрет и зело возлюбил е и припаде к Пречистой Пресвятыя Богородицы иконе, юже ношаше... Помолися и всю надежду на Богоматерь возверг, вселися на месте том, и абие воздвиже церковь древяну во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славного Ея Рождества»⁴².

В книге пр. Исаяи в описании райского соседства хищников и домашних животных (Ис. 11: 6–7) пророчески показано будущее единение народа Божия, Иуды и Израиля под властью Потомка Давида. «Ефрем не возревнует Иуде, и Иуда не оскорбит Ефрема» (Ис. 11: 13). Лев и медведь, с которыми боролся Давид, символизируют покорившихся помазаннику Иуду (Быт. 49: 9) и Израиля, а в новозаветной истории — призывание ко Христу из иудеев и язычников. Таким образом, в категориях «царского культа» медведь — символ языческого начала, или той части подданных монарха, которая еще не приняла христианства, а поклонялась производящим силам природы⁴³.

Библейский «священный образец» борьбы Давида с львом и медведицей как прообраз царского служения раскрывается и в связи с истолкованием двух животных как составляющих двучастный «архетип» благочестивого царя-мессии или символического «царя Давида». Семантический анализ историко-богословского или мифо-поэтического контекста монастырского строительства на Руси позволяет актуализи-

⁴¹ Чернецов С. Б. Редкая фотография Гебре Селассе (1844–1912), секретаря и историографа эфиопского императора Менелика II // Христианский Восток. Т. 2 (VIII): Новая серия. СПб. 2001, с. 291.

⁴² Цит. по: Успенский А. Достопамятности Саввина Сторожевского монастыря // Художественные сокровища России. № 5, 1904, с. 73.

⁴³ «Смерды» у Н. Н.Воронина.

ровать представления, лежащие в основе идеи «Нового Иерусалима» как «дома» или «града Давидова», или царского града.

Именование Сторожевского монастыря, неподалеку от которого произошел «ритуальный поединок» царя с медведем, «Саввиным домом», «чудотворцевым местом» или «Саввиной горой» встречается в эпистолярном наследии царя Алексея Михайловича и других документах, являясь устойчивым словообразованием, что позволяет говорить о практике сакрального наречения места или «иеротопоса» именем духовного первопредка, находящем аналогии в Священном Писании. В церковно-славянском тексте Библии встречаются топонимы, соотносимые с именем «Савва», символически и буквально означающие «царское поле» или «царское место» (Быт. 14: 17–18).

Житие преп. Саввы сравнивает окрестности Звенигорода и горы Сторожи с райским садом — «якоже небесный рай, благовонными цветами насажденный». Символизм райского сада в Священном Писании многогранен и среди других образов содержит в церковно-славянском тексте книги Бытия фразеологизм «сад Савек» (как калька с греческого), использованный при описании жертвоприношения Авраамом своего сына Исаака. «И простре Авраам руку свою, взяти нож, заклати сына своего. И воззва и ангел Господень... и рече: да не возложиши руки твоей на отрочища... и возрев Авраам очима своими и виде, и се овен единый, держимый рогама в саде Савек» (Быт. 22: 10–13)⁴⁴. Древнее предание соотносит место жертвоприношения Исаака с храмовой горой Мориа в Иерусалиме, а православная экзегетика усматривает в истории прообраз искупительной жертвы Христа, истолковывая сюжет об «Агнце из сада Савек» как образ Бога, пребывающего в райских селениях и принесенного в жертву за грехи людей.

Похожим выражением обозначается место встречи праотца Авраама с царем Салимским Мелхиседеком и царем Содомским. «Изыде же царь Содомский в сретение ему (Аврааму), повнегда возвратится ему от сеча Ходоллогоморского, и царей сущих с ним, в юдоль Савину: сие же бяше поле царево. И Мелхиседек, царь Салимский, изнесе хлебы и вино: бяше же священник Бога Вышняго» (Быт. 14, 17–18). «Юдоль Савина» или долина Шаве, названная также «полем царевым», еще Иосифом Флавием отождествлялась с Кедронской долиной, пролегающей между Иерусалимом и Мертвым морем. По мнению комментаторов, название «царское поле» долина получила от описанной выше встречи трех царей⁴⁵.

В христианской истории Палестины эта местность известна тем, что недалеко от нее в скалах находится лавра преп. Саввы Освященно-

⁴⁴ В синодальном тексте «в чаше».

⁴⁵ Архим. Никифор. Библейская энциклопедия, с. 777.

го. Можно предполагать, что некоторые особенности устройства и расположения палестинской обители были сознательно скопированы или творчески интерпретированы применительно к русским реалиям в рамках перепосвятельного строительства при сооружении и обновлении в середине XVII столетия Саввино-Сторожевского монастыря.

Совпадает и посвящение двух обителей Пресвятой Богородице, и традиционное помещение в храме-реликварии могилы основателя. Житие преп. Саввы Освященного содержит немало интересных сюжетов, связанных с «царским культом». Палестинский святой неоднократно бывал при дворце византийских императоров и принимал непосредственное участие в улаживании церковно-государственных и территориальных конфликтов. Обучение духовному искусству миротворчества, позволяющему разбираться в тайнах придворной дипломатии, может скрываться за описанием борьбы преподобного с бесами в виде диких зверей, в результате которой «Бог покорил Савве всех зверей и змей, и стал он ходить между ними как между кроткими овцами»⁴⁶. Напоминанием о «царском даре» преп. Саввы служит древний обычай, описанный паломниками, посещавшими Лавру. «Каноник Тристрам однажды заметил, что как только вечером в колокол ударяли шесть раз, в монастырь приходил волк, и ему через стену бросали кусок хлеба. С такой же точностью приходили сюда за пищей много шакалов и лисиц... Такое общение человека с хищными и дикими зверями переносит нас в первобытные времена райской любви и согласия... или, может быть, на целое тысячелетие вперед»⁴⁷.

Напротив монастыря находится холм Эль-Мунтар, называвшийся «Сторожевым», или «Сторожевой башней». На этом оборонительном возвышении еще во времена императора Юстиниана по просьбе преп. Саввы была построена, как об этом сообщает житие, Сторожевая башня и размещен военный гарнизон. Иконографическое подобие лавры преп. Саввы Освященного близ Иерусалима и Саввино-Сторожевского монастыря усиливается еще и тем, что в XVII в. последний, единственный во всей России, именовался в грамотах Алексея Михайловича и его детей Лаврой⁴⁸.

В Священном Писании есть еще один случай употребления топонима с корнем «сава». В 11-й главе книги пророка Даниила описывается апокалиптическое противостояние «царя севера» и «царя юга». Ме-

⁴⁶ Жития святых. М. 1903. Т. 4, с. 127.

⁴⁷ Гейка К. Святая Земля и Библия. Историко-географическое, этнографическое и археологическое описание Палестины и нравов ее обитателей, служащее к истолкованию текстов Священного Писания. Репринт. СПб. 1894, с. 710.

⁴⁸ Начало обновления Саввино-Сторожевского монастыря при царе Алексее Михайловиче, с. 102.

стом их военного столкновения называется в церковно-славянском тексте «земля Савеи (Саваимская)» или «гора Савеи». «И внидет царь северский... и возмет грады тверды... и станет на земли Савеи... и поткнет кушу свою ефадано между морями, на горе святей Савеи, и приидет даже до части ея, и несть избавляяй его» (Дан. 11: 14–16, 41, 45). Местом спасения от ярости «царя южского» называется здесь «святая гора Савеи», соотносимая с «горами» евангельского пророчества Спасителя (Мф. 24: 16). Топоним «Савеи», обозначаемый переводчиком и комментатором книги Даниила как «красота»⁴⁹ (или «славная земля» в Синодальном переводе), заставляет вспомнить качественные характеристики горы Сторожи — «место, якоже небесный рай, благовонными цветами насажденный».

Видимо, имя преподобного основателя Сторожевского монастыря семантически дублировало и замещало возможное посвящение языческого культа на горе Сторожи, тем более что имя Савва фонетически близко и к самому названию города Звенигород, а как известно из древней истории, имя города всегда связано с легендарным «гением места» или первопредком-основателем. Звенигород — «Саввин город» в его христианской истории — навсегда связан с именем преподобного Саввы Сторожевского, заменившим собою имя его вероятного древнего покровителя. Возможно, с легкой руки одного из благородных паломников XIX столетия окрестности Саввина монастыря стали называться «подмосковной Швейцарией», посредством изящного каламбура соединив в одном топониме двух главных участников строительства Сторожевского Иерусалима — преподобного Савву и почитавшего его царя.

Ksenia Shchedrina

St. Tychon Theological Institute, Moscow

SAVVINO STOROZHEVSKY "JERUSALEM"

Monastery as an image of the ideal universe, the Kingdom of God, embodied the features of Heavenly City that is why construction of monasteries was among the tsar's virtues. Creation of his own Jerusalem likened monarch to old pious builders of the real Jerusalem — Kings David and Solomon, as well as to the constructor of New Jerusalem — Emperor Constantine.

In 20 km from New Jerusalem of the 17th cent. (by Moscow) there is the cloister of the Nativity of the Mother of God founded by St. Savva Storoz-

⁴⁹ Текст книги Даниила дается по изданию: Библия, сиречь книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета с параллельными местами. СПб: Синодальная типография, 1990.

hevsky near Zvenigorod on the border of the 14th–15th cent. The monastery passed through the second flourishing in the beginning of 1650s because of a special protection of the Tsar Alexey Mikhailovich.

St. Savva, one of the first disciples of St. Sergiy Radonezhsky, was invited by the Prince Yuri, the son of Dmitry Donskoy, to create a new monastery in his principality. A place and a dedication of the cloister was approved by the prince. We should analyze them in the context of a whole architectural and sacred complex of the prince's residency.

In 1398–1399, they built the famous Assumption church on Gorodok in Zvenigorod; in 1407, — the stone cathedral of Nativity in the Storozhevsky monastery. Choosing a dedication for these churches, Prince Yuri followed the tradition: an “official” church of principality's capital dedicated to the feast of the Assumption and the “home” princes' church out of the city or in monastery dedicated to the Nativity of the Mother of God.

In the base of the undertaken by the Prince Yuri sacralization of Zvenigorod was, obviously, the idea of two-particle sacred space of Holy Jerusalem and sacrifice “suffered without the gate” (Heb 13: 11–12). Two-particle plan of sacred space corresponded to the principles of organization of the space of traditional house. Such division of house into two parts — male and female, official and private ones — was called in Arabic “selyamlyk” and “haremyk” where Jerusalem was an archetype and a sacred model involving gender opposition of the universe. The word *Jerusalem* is formed from two roots: Jeru (“harem”) — “prohibited, cursed, inner” and Salem — “outer, blessed”. Combination of these roots means “house of the world”, completeness of the universe. Two-particle house as a sacred space can be typologically corresponded with the Old Testament division of the Temple into the sanctuary and the “holy of holies” (inner sanctum).

Organization of the Savvin Storozhevsky monastery which was called “tsar's chamber monastery” or “private tsar's prayer's place” in the documents of the 17th cent. included not only the cathedral but also two palaces by the sides of it — such plan corresponded to the iconography of rows of prayers oriented to a sacred person or object and to the architectural plan of the Holy City as well as to the words of the Scripture: “mount Zion, on the sides of the north, the city of the Great King” (Ps 48: 2; compare Math 5: 38).

Semantic of Jerusalem as “tsar's city” in the iconographic program of the Savvin Storozhevsky monastery can be understood in the context of the legend on the wonderful saving of the tsar Alexey Mikhailovich from a bear by St. Savva during a hunting. This story can be compared with traditional hagiography plots but the aspect of tsar's hunting puts a special accent.

The essence of ritual tsar's hunting is common for the world military and political mythology: a wild beast symbolizes the forces of evil and chaos; it is killed or conquered by a tsar who is a bearer of the power

charism, so, this act is a testimony of the tsar's potency and ability to rule over the society. The name of the mount where the monastery has been built was Storozhy — Guards, there were really guards protecting the Smolensk Road. In the 17th cent. military cult is actualized there, and St. Savva was perceived as protector of warriors.

Ritual bear hunting as a necessary attribute of "tsar's acts" had a sacred prototype in the Bible (1 Kings 17: 34–37). The results of a combat between David the Shepherd and a lion and a she-bear signed to the God's blessing over all his undertakings. At the same time, parallels to this text shown a ritual role of ruler as New David aka Adam of the Paradise and the Tsar of New Jerusalem who is able to stop all the enmity on the earth with a single word. Prince's or tsar's menagerie on the territory of a residency out of the city was a micro model of the world in its initial, paradise state; that is why such ruler's country estate was called "Paradise". The Life of St. Savva Storozhevsky contains a characteristic of the mount of Storozhy as an "earthen paradise" so we can conclude that the place for a prince's monastery was chosen not by occasion.

The name of the Storozhevsky monastery not far from which there was a ritual combat between the tsar and a bear was "Savvin house" (Savva's house), "wonder-maker's place" or "Savvina mountain" (Savva's mountain) — they are in letters by Alexey Mikhailovich and in other documents; so, we can speak about the practice of sacred naming of a sacred place with the name of spiritual ancestor which had analogues in the Holy Scripture ("king's dale" — Gen 14: 17). We can suppose that the name of Savva itself replaced the name of an ancient pagan sanctuary on the mount of Storozhy. And Zvenigorod as "Savvin city" received an new and stable connection with the saint who ejected a possible ancient protector of the place.

1. Икона «Преподобный Савва Сторожевский» 2 треть XIX века. Из собрания Звенигородского музея

2. Рождественский собор Саввино-Сторожевского монастыря. 1-я четверть XV века. Вид с северной стороны

3. Соборная площадь. Вид с колокольни

4. Красная башня. Середина XVII века

5. Троицкая надвратная церковь. 1652 г.

6. Белокаменное крыльцо Царицыных палат. XVII век

7. Дворец царя Алексея Михайловича. XVII век

8. Палица «Рождество Богородицы». Середина XVII века. Из собрания Историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим»